

ЛЕДИ НАЙТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ОТЕЦ

моего ученика

Леди Найт
Отец моего ученика

«Автор»

2026

Найт Л.

Отец моего ученика / Л. Найт — «Автор», 2026

– Ты слишком молодая для училки. И слишком красивая, – говорит он порочным шёпотом. – Решила докопаться до моего сына, чтобы привлечь моё внимание? Что ж, у тебя получилось.– Что вы себе позволяете?– Я себе позволяю всё.Он вдавликает меня в школьную доску. Внутри меня всё пылает так, что ноги подгибаются.– Продолжим у меня дома, – хищно скалится Гордей. – И только попробуй в этот раз сбежать.Я учительница. Он отец ученика.Мне нельзя его хотеть. Ему нельзя меня трогать.Но Гордей Усманов всегда нарушает правила первым.Он загоняет меня в угол, говорит опасным голосом, смотрит так, будто уже знает, как я буду стонать.Он хочет меня. Грязно. Ненасытно.И мне всё труднее делать вид, что я к нему равнодушна.А когда возвращается его бывшая жена, которую все считали умершей, становится ясно: это не любовный роман.Это война за мужчину, который не знает слова «остановись».

© Найт Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Катя	5
Глава 2. Катя	8
Глава 3. Катя	11
Глава 4. Катя	14
Глава 5. Катя	17
Глава 6. Гордей	20
Гла	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Отец моего ученика

Глава 1. Катя

Когда Степан Усманов во второй раз за утро кинул в мальчишку с первой парты скомканной тетрадкой, я поняла: сегодня будет весело.

– Усманов, прекрати немедленно, – я подняла голос, чувствуя, как в висках начинает неприятно пульсировать.

Он ухмыльнулся, откинулся на спинку стула и медленно, демонстративно вытянул ноги в проход, перекрывая половине ряда дорогу.

– А что? – невинно вскинул он брови. – Мы же не на контрольной, Екатерина Андреевна.

Класс захихикал. У них был тот особенный смех, которым дети реагируют на любое нарушение правил – смесь восторга и страха. «Ну же, покажи, кто тут главный», – читалось в этих взглядах.

Я взяла мел, повернулась к доске и крупно написала тему урока: «Сложноподчинённые предложения. Повторение».

– Мы на уроке, Степан, – я подчеркнула последнее слово. – А на уроке у нас есть определённые правила. Ты их знаешь.

– А если мне скучно? – продолжал он тянуть резину, бросая взгляд на девчонок.

– Тогда поговорить об этом мы можем после урока с твоим законным представителем, – сладко улыбнулась я, хотя внутри всё уже кипело. – С папой.

Смех буквально взорвал класс. Кто-то прошептал: «Ой, щас будет», – кто-то чмокнул губами. Степан дёрнулся, ухмылка исчезла, и на миг в его глазах мелькнуло что-то похожее на тревогу.

Ага. Нашли кнопку.

– Не надо папу, – буркнул он, опуская взгляд в тетрадь.

– Поздно, – отрезала я. – После уроков зайдёшь в учительскую, мы вместе ему позвоним.

Он демонстративно щёлкнул ручкой, но замолчал. Урок продолжился. С вопросами, примерами, исправлением ошибок у доски. Но я всё равно чувствовала его злобный взгляд.

– Ты опять с этим Усмановым воюешь? – устало спросила Ольга Николаевна, когда я после последнего звонка плюхнулась на стул в учительской.

Я только простонала в ответ. Голова гудела, как после трёх пар подряд в университете.

– Экземпляр, а не ребёнок, – продолжила она. – У нас математика с ними, так он мне заявил, что квадратный корень из четырёх – это «ваше мнение».

Мы обе фыркнули. Смех получился нервный.

– Родителей вызывать бесполезно, – вмешалась за соседним столом Марья Ивановна, завуч. – Отец занятой. Всё время в разъездах. Бизнесмен.

– Тем более, – я упрямо тряхнула головой. – Если ребёнок так себя ведёт, значит, дома что-то идёт совсем не так. Я не психолог, но и не слепая.

– Екатерина, – Марья Ивановна посмотрела вверх очков. – Ты у нас учитель русского языка и литературы. А не спасатель детских душ.

– Иногда это одно и то же, – пробормотала я, но спорить не стала.

Документы были разложены передо мной: личное дело Степана, характеристики из начальной школы, какие-то раздражающие «выговоры в связи с нарушением дисциплины». Везде под копирку: «умный, способный, но агрессивен, неуправляем, конфликтен». Как будто ребёнка скопировали с шаблона «проблемный подросток».

Я открыла дневник и набрала номер, указанный как контакт отца.

Сердце колотилось чуть чаще, чем следовало. Я никогда не любила эти разговоры. С родителями трудных детей они всегда напоминают минное поле: шаг в сторону – и взрыв.

– Да, – коротко бросил в трубку мужской голос.

Низкий, хрипловатый, с какой-то металлической ноткой. Я машинально поправила очки.

– Добрый день. Это школа номер Учитель русского языка и литературы, Синичкина Екатерина Андреевна. Я звоню по поводу вашего сына, Степана

Несколько секунд была тишина. Я уже подумала, что связь пропала, но затем мужчина коротко выдохнул.

– Что опять? – спросил он, и в этом «опять» было столько усталости и раздражения, что мне на секунду захотелось закрыть личное дело и сделать вид, что я набрала неправильный номер.

– Степан систематически нарушает дисциплину, – старалась говорить официально и спокойно. – Это мешает и ему, и всему классу. Я бы хотела, чтобы вы пришли в школу, мы обсудили ситуацию лично.

– Сегодня не могу, – отрезал он. – Завтра в десять устроит?

Я машинально взглянула на расписание. В десять у меня другой класс. Но заставить такого «занятого» родителя подстраиваться под меня Ха. Сейчас.

– В десять я занята, – всё-таки решилась я. – Могу в двенадцать, на перемене между уроками.

Собеседник замолчал. Я почти физически ощущала, как он там, на другом конце, поджимает губы.

– Хорошо, – наконец сказал он. – В двенадцать. Где вас найти?

– Учительская на втором этаже. Спросите Екатерину Андреевну. И – я всё-таки позволила себе каплю профессиональной наглости. – Буду признательна, если вы поговорите со Степаном уже сегодня. Ему важно понимать, что школа и дом – это одна сторона, а не две разные.

– Разберусь, – коротко ответил он. – До свидания.

Звонок прекратился, не дав мне договорить.

Я посмотрела на телефон и тяжело вздохнула.

– Ну как? – тут же подлетела Ольга Николаевна с кружкой кофе. – По голосу хоть не полный идиот?

– По голосу – я задумалась. – По голосу – человек, который привык командовать. И которому не привыкли возражать.

– Ой, – хмыкнула она. – С такими осторожней. У нас одна молодая историчка как-то задела какие-то «чувства» одного бизнесмена, так он жалобу в департамент накатал, как будто она его ребёнка из окна выбросила.

Я усмехнулась, но где-то на дне желудка зашевелилось беспокойство. Слишком низкий голос. Слишком спокойное «разберусь». Слишком легко согласился на встречу.

Среди родителей проблемных детей такие редко встречаются. Обычно: обиды, крики, «мой ребёнок золотой, это вы ничего не умеете». А тут – холодное деловое согласие.

И почему-то от этого становилось только тревожнее.

Утро следующего дня началось нормально. Я дошла до школы по мерзкой ноябрьской слякоти, по пути сто раз проклиная собственное упрямство – кто меня за язык тянул связываться с очередным «успешным бизнесменом»?

В голове крутилась мысль: «В двенадцать». Я успокаивала себя тем, что, возможно, отец Степана окажется вполне адекватным: поговорим по-деловому, выстроим общую линию, объясним мальчику, что некоторые шутки – это не смешно.

Но с самого первого урока Степан был другим.

Он сидел тихо, не перебивал, даже пару раз поднял руку. Я поймала его взгляд – напряжённый, напряжённый.

– Ты говорил с папой? – шёпотом спросила я на перемене, когда дети выходили из кабинета.

Степан дёрнулся, будто я ударила его по плечу.

– Говорил, – буркнул он. – Зачем вы ему на меня настучали?

– Потому что мне важно, чтобы ты нормально учился, – спокойно ответила я. – Я не враг тебе, Степан. Твоя задача – учиться, моя – помочь тебе. А папа должен быть в курсе, как у тебя дела.

Он фыркнул и отвернулся, но в глазах промелькнуло что-то похожее на страх. Настоящий, детский.

И от этого мне стало ещё хуже.

К двенадцати у меня пересохло во рту. Урок закончился, я отпустила детей и осталась в пустом классе на пару минут, приводя мысли в порядок. Пальцы автоматически поправили узелок шарфика, я проверила, застёгнута ли пуговица на пиджаке, смахнула мел с юбки.

«Ну что ты, как перед экзаменом?» – мысленно одёрнула я себя.

Спустилась в учительскую, бросила взгляд на часы. Без пяти двенадцать. На столе аккуратно лежало личное дело Степана, рядом – мои записи о его поведении. Я ещё раз пробежалась глазами по тексту, стараясь сформулировать главную мысль: «Ребёнку не хватает внимания, он провоцирует всех, чтобы его наконец заметили».

Дверь распахнулась ровно в двенадцать.

Я даже не сразу поняла, что это – он.

Сначала в учительскую ворвался запах. Смешение свежего воздуха, дорогого парфюма и чего-то кожаного, тёплого. Потом – чёрная куртка, блеск металла на молниях, белая рубашка, расстёгнутая чуть ниже допустимого приличиями.

Мужчина вошёл так, как будто он вернулся к себе домой. Окинул взглядом помещение длинным, цепким, мгновенно оценив всё: облупленные шкафы, старый линолеум, поникшие растения на подоконнике и меня.

Я почувствовала, как кровь приливает к лицу.

– Вы Синичкина? – спросил он, даже не отрывая взгляда.

Голос – тот самый, из трубки. Низкий, ленивый, с опасной хрипотцой.

– Да, – наконец ответила я, заставляя себя подняться со стула. – Екатерина Андреевна. Добрый день.

– Гордей Усманов, – он слегка кивнул, не протягивая руки.

И это было даже к лучшему – я сомневалась, что смогу нормально держать шариковую ручку и не уронить её, что уж говорить о рукопожатиях.

Глава 2. Катя

Ольга Николаевна, сидевшая у окна, буквально впиалась взглядом ему в спину. Я услышала, как кто-то тихо присвистнул. Учительская мгновенно наполнилась сдержанным женским вниманием – даже Марья Ивановна, обычно непроницаемая, приподняла брови.

Он был совсем не тем серым, уставшим мужчиной, которых я привыкла видеть на родительских собраниях. Высокий. Широкие плечи, как у спортсмена. На шее – татуировка, уходящая под ворот рубашки. Тёмные волосы, гладко зачёсанные назад. Лицо – резкое, немного грубое, с упрямой линией скул и губ.

И глаза. Серо-зелёные, тяжёлые, внимательные, с той породой взгляда, которому не привыкли говорить «нет».

– Присядьте, – я указала на стул. – Поговорим о Степане.

Он не сел сразу. Сначала подошёл к столу, мельком глянул на лежащее на нём дело, затем перевёл взгляд на меня. Сверху вниз. Не вульгарно, но достаточно внимательно, чтобы я почувствовала, как по коже пробегают мурашки.

– Сначала скажите, в чём именно проблема, – неторопливо произнёс он. – По предмету отстаёт? Оценки плохие?

– По предмету он как раз неплох, – ответила я, стараясь держаться профессионально. – У Степана хороший словарный запас, он быстро схватывает материал. Но

– Но? – уголок его губ чуть дёрнулся.

– Он постоянно провоцирует других детей, срывает уроки, перебивает, комментирует всё, что происходит. Иногда его поведение граничит с агрессией. На уроке физкультуры кидал кроссовок в баскетбольное кольцо. Вы...

– Попал?

– Что? – не сразу поняла, о чём он спрашивает.

– В кольцо попал?

– Я... Об этом мне неизвестно, – смутилась я, как будто это было важная деталь.

– Подросток, пубертат, – пожал плечами Гордей. – Это нормально.

– Ненормально, когда остальные дети боятся поднять руку, потому что он обязательно что-то язвительное скажет, – я почувствовала, как во мне просыпается упрямство. – Ненормально, когда он кидает в одноклассников предметами. Это вопрос безопасной среды, а не просто «подростковых приколов».

Его взгляд стал холоднее. Он, наконец, сел, откинулся на спинку стула, закинул ногу на ногу. Рубашка на груди разошлась сильнее, обнажая волоски на бронзовой от загара коже.

Я поспешно опустила взгляд в бумаги.

– И что вы от меня хотите? – голос его стал тише, но от этого только опаснее.

– Ему нужно чётко показать границы, – ответила я, перелистывая записи. – И дать почувствовать, что родители и школа – на одной стороне. Что вы в курсе его поведения и не одобряете его. Возможно, стоит ограничить время за гаджетами, подключить психолога

– Психолога? – в его голосе мелькнуло раздражение. – Чтобы ему объяснили, что он жертва общества и его нужно пожалеть?

– Чтобы ему помогли выразить то, что он сейчас выражает через агрессию, – выдержала я его взгляд. – У вашего сына много энергии, которую он направляет не туда.

– Вы же не психолог, – тихо сказал он. – Вы – учительница русского.

Слово «учительница» прозвучало как-то двусмысленно. Не уничижительно, но с лёгкой насмешкой. Как будто он видел во мне что-то ещё, кроме строгого пиджака и очков.

– Я – человек, который проводит с вашим ребёнком по шесть часов в неделю, – ответила я тем же тоном. – И вижу, как он на самом деле себя чувствует. И да, мне этого достаточно, чтобы понимать: ему не хватает внимания. Вашего внимания.

Тишина в учительской стала вязкой. Я чувствовала, как коллеги делают вид, что работают, но каждая фраза ловится ими, как кадры сериала.

Гордей медленно выдохнул, глядя на меня поверх стола.

– У меня бизнес, – произнёс он. – Я работаю, чтобы у него было всё, что нужно. Дом, образование, перспективы. Внимания – он чуть пожал плечами. – Внимания у него достаточно. Бабушка с ним постоянно.

– Бабушка – не отец, – тихо сказала я.

Мы несколько секунд просто смотрели друг на друга. В его взгляде мелькнуло что-то вроде предупреждения. Упрямство, встреченное сопротивлением.

– Вы учите меня, как воспитывать моего сына? – спросил он жёстко.

– Нет, – честно ответила я. – Я предлагаю вам увидеть, что с ним происходит. Он умный, сообразительный, общительный. Ему нужна опора. Если он не получает её дома, он будет искать её в любом другом месте. В компании, в интернете, в драках

– Или в учительнице? – в уголке его губ появилась резкая усмешка. – Он на вас не смотрит слишком внимательным взглядом, вы не замечали? Сколько вам лет? Выглядите как старшекласница.

Я почувствовала, как вспыхиваю до корней волос. Я даже не понимала как реагировать на последнюю фразу Усманова. Комплимент? Вряд ли. Скорее насмешка.

– Это переходный возраст, – отрезала я. – И это ещё одна причина, по которой ему нужен взрослый мужчина рядом, а не вечные «я занят».

Он смотрел на меня так пристально, что я буквально ощущала, как под его взглядом становится жарко в груди, на шее, под воротником блузки. Словно он хотел проверить – дрогну ли я, опущу ли глаза, уступлю ли.

Не дрогнула.

– Хорошо, – вдруг сказал он, откинувшись на спинку стула. – Допустим, вы правы. Что вы хотите от меня конкретно, Екатерина Андреевна?

Меня будто кольнуло, когда он произнёс моё имя полностью. В его голосе оно прозвучало странно интимно.

– Поговорите с ним. Чётко. Без криков, но жёстко. Обозначьте, что за нарушением границ есть последствия. И – я чуть замялась, но всё-таки продолжила: – Возможно, вам стоит все же приходить на родительские собрания, а не перекладывать всё на бабушку.

– Я плачу хорошие деньги за репетиторов, – заметил он. – И за школу.

– Платите ещё и временем, – слегка пожал я плечами. – Оно куда важнее.

Он усмехнулся – коротко, безрадостно, нагло.

– Вы слишком правильная, Екатерина Андреевна.

Я напряглась.

– Это плохо?

– Это необычно, – его глаза скользнули по моему лицу, по собранным в пучок волосам, по строгому пиджаку. – В наше время мало кто рискует говорить мне то, что на самом деле думает.

– А я не рискую, – поправила я. – Я просто делаю свою работу.

В его взгляде вспыхнул интерес. Какая-то опасная искра, от которой у меня внутри всё сжалось.

– Вы часто так разговариваете с отцами учеников? – понизив голос, спросил он.

– Только с теми, чьи дети кидаются тетрадками на уроках, – не осталась в долгу.

На секунду он будто бы растерялся, а потом тихо рассмеялся. Смех у него был неожиданно тёплый, низкий, обволакивающий. Я почувствовала, как по коже пробежала дрожь.

– Ладно, – он встал, и пространство будто заполнилось его высотой. – Я поговорю со Стёпой. Попробую уделять ему больше времени. Но вы тоже постарайтесь. Если он умный, как вы говорите, значит, его можно заинтересовать чем-то, кроме хулиганства.

– Я уже пытаюсь, – ответила я. – Но одному человеку сложно, если дома всё обнуляется.

– Договорились, – кивнул он.

Он повернулся к двери – и вдруг замер, снова посмотрел на меня.

– И ещё, – добавил он тихо. – Если у вас возникнут какие-то проблемы с моим сыном или с кем-то ещё из детей – звоните мне напрямую. Не через завуча, не через дневник. Понятно?

В его голосе прозвучала та нота, от которой обычно подчинённые безоговорочно кивают. Приказ, прикрытый заботой.

Я почувствовала лёгкое раздражение.

– Я буду звонить вам, когда это будет необходимо, – подчеркнула я. – Но в пределах школьного устава.

Его взгляд потемнел. Не от злости, скорее от интереса.

– Вы не боитесь, что я напишу жалобу? – спросил он почти лениво. – Обычно, когда со мной разговаривают таким тоном, люди потом начинают очень спешно извиняться.

– Если вы считаете, что я нарушила ваши права, – спокойно ответила я, хотя сердце колотилось как бешеное, – вы, конечно, можете это сделать. Но я уверена, что не ошибаюсь в отношении вашего сына.

Он молча смотрел на меня ещё несколько секунд. Потом медленно кивнул.

– До свидания, Екатерина Андреевна, – произнёс он.

– До свидания, – ответила я, чувствуя, как во мне снова вздымается волна адреналина.

Дверь за ним закрылась, и учительская взорвалась шёпотом.

– Ой-ой-ой, – выдохнула Ольга Николаевна. – Вот это папочка. Тут любая бы забыла, что она учительница.

Я подняла личное дело Степана, чтобы унять дрожащие пальцы.

Любая – может быть, – подумала я. – Но не я.

И всё равно, когда я вечером закрывала кабинет после последнего урока, перед глазами снова вставали серо-зелёные глаза, насмешливая усмешка и та опасная искра интереса, которая вспыхнула, когда я не струсила.

Я вдруг очень ясно поняла: с этим человеком всё будет не просто. И, скорее всего, гораздо сложнее, чем мне сейчас кажется.

Глава 3. Катя

Следующее утро началось подозрительно спокойно. Подозрительно, потому что мой внутренний учительский радар работал как у опытного сапёра: если вчера взорвалась одна мина, то сегодня где-то точно заложена вторая.

Я вошла в класс за пять минут до звонка, поправляя стопку тетрадей, и сразу почувствовала на себе внимательные взгляды. Когда дети что-то знают. Или думают, что знают.

– Екатерина Андреевна – протянула Полина, подавая мне электронный журнал.

Тон у неё был такой, будто она вот-вот сообщит мне сенсацию века.

– Да, Полина?

– А вы вчера видели папу Стёпы? – она вытянула слова так, что даже у меня мурашки побежали по спине. – Он такой ну крутой.

Класс немедленно захихикал. Кто-то с задней парты шепнул: «Она точно видела» — и мне захотелось закопать себя в стопку методических рекомендаций.

– Мне всё равно, какой он, – сухо сказала я, открывая журнал. – Главное, чтобы Степан вёл себя спокойно.

Но стоило мне поднять глаза, как я поняла: *это* сегодня будет главной темой.

Степан сидел на месте и делал вид, что ему безразлично. Но уши у него были красными – классическая реакция подростка, над которым вот-вот начнут шутить.

Я тактично проигнорировала все многозначительные взгляды, захлопнула журнал и начала урок. На удивление Степан не перебивал, не ёрзал, не издавал странных звуков, не кидал ничего ни в кого. Он сидел прямо, почти не отрывая взгляд от тетради.

И это было подозрительнее всего.

После урока я собрала бумаги, ожидая, что дети высыпят из класса, как обычно, оставляя за собой гул голосов и запах жвачки.

Но Степан остался.

Стоял у доски. Мял в руках тетрадь. Нервно грыз губу.

Я остановилась, прижимая дневник к груди.

– Степан? Ты хотел что-то сказать?

Он дёрнулся, будто я поймала его на преступлении.

– Папа говорил, – тихо сказал он. – Зря вы ему звонили.

– Я позвонила, потому что мне важно, чтобы ты учился нормально.

– Я учусь нормально, – отбросил он привычную, но в этот раз слабую защитную фразу.

– Степан, мы оба понимаем, что нет.

Он вздохнул так тяжело, будто на его плечи навалили бетонную плиту.

– Он вчера – он замолчал, подбирая слова. – Разозлился.

Мне кольнуло сердце.

– Он тебя не ударил? – спросила я мягко, но твёрдо.

– Нет! – возмутился он так искренне, что я сразу поверила. – Он просто сказал, что я позорю нашу фамилию. Что в школе думают, будто я тупой.

Я подошла ближе, наклонилась к нему так, чтобы говорить вполголоса.

– Никто не думает, что ты тупой. Наоборот. Ты умный мальчик. Просто

– Просто меня никто не понимает, – прошептал он, глядя на тетрадь.

Я хотела сказать что-то правильное, поддерживающее, но он неожиданно добавил:

– Папа сказал, что вы строгая. Но не глупая. И что я должен слушаться.

Это удивило меня настолько, что на секунду сбилось дыхание.

«Строгая. Но не глупая». От Гордея Усманова это звучало почти как комплимент.

Я заставила себя сосредоточиться на ребёнке, а не на странном тепле, которое разливалось под рёбрами.

– Я рада, что папа поговорил с тобой. Надеюсь, ты попробуешь вести себя лучше?

Степан кивнул, но неуверенно, как будто внутри него дерутся два волка: привычка нарушать и желание, наконец, быть понятым.

– Можешь идти, – сказала я, поглаживая его по плечу.

Он вздрогнул от неожиданности, но не отстранился.

Перемена прошла тихо. Подозрительно тихо.

Но настоящее испытание ждало меня в обед.

Когда я спустилась в столовую за чаем, Ольга Николаевна тут же вцепилась в меня.

– Он приходил! – прошептала она так, будто речь шла о НЛО.

– Кто? – хотя я уже догадалась.

– ОН! – она округлила глаза. – Твой новый «любимый папаша». Прикатил на мотоцикле. В кожанке, с татуировкой, с этим взглядом. Девочки из старших классов чуть в обморок не попадали.

Я схватилась за голову.

– Он приходил? Куда? Зачем?

– Вахтёрша сказала, что спрашивал, где кабинет русского, – мечтательно протянула Ольга Николаевна.

Я поставила кружку с чаем и, если честно, на секунду почувствовала, как у меня подкашиваются ноги.

Зачем ему было приходиться?

Мы же обо всём договорились. Мы поговорили, обсудили детали. На этом всё.

Это не имеет значения. Он может прийти. Может уйти. Моя работа – дети. И только дети.

Но объяснить это собственному сердцу было сложнее.

Тайна раскрылась чуть позже.

После очередного урока я вышла в учительский коридор и буквально столкнулась с ним.

Гордей стоял у окна в холле. Опираясь рукой на подоконник и разговаривал по телефону. Негромко, но уверенно. Таким голосом, который заставляет людей слушать.

И, конечно, выглядел так умопомрачительно, как его описывала Ольга Николаевна.

Как у него так получается? Почему даже школьный линолеум выглядел так, будто его выстелили специально под его ботинки?

Наши взгляды встретились раньше, чем я успела отвернуться. Гордей закончил разговор коротким «перезвоню» и сунул телефон в карман.

– Екатерина Андреевна, – произнёс он таким тоном, будто мы встречаемся каждый день, пьём кофе и обсуждаем мировую экономику.

– Вы снова здесь? – спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Разумеется. Решил сегодня лично заехать за сыном. Заберу его после уроков и провожу на тренировку.

– Но у него последний урок заканчивается в четырнадцать

– Я знаю, – перебил он. – Пришёл заранее. Хотел – он сделал паузу, будто выбирая формулировку. – Увидеть вас и убедиться, что вчерашний разговор не поставил вас в неприятное положение.

Я моргнула.

– Меня? Почему?

Он чуть наклонил голову, его взгляд скользнул по моему лицу, по волосам, по линии подбородка, по губам.

Слишком внимательно. Слишком пристально.

– Потому что некоторые родители – он улыбнулся уголком губ. – Воспринимают вещи слишком драматично. Жалобы, требования, угрозы. Вы со мной разговаривали прямо. Это в наше время редкость.

– Я разговаривала так, как должна, – ответила я.

– Именно. – Он чуть приблизился. На расстояние, на котором чувствуется запах человека. Тёплый, кожаный, чуть пряный. – И это выделяет вас.

Я почувствовала, как в груди странно сжимается что-то мягкое и тревожное.

– Гордей Александрович, – я сделала шаг назад, приводя себя в порядок, – я учительница.

Мы взаимодействуем в рамках школьного процесса

– Я не спорю, – он поднял ладони в жесте «мир». – Я всего лишь пытался быть вежливым.

Слово «вежливый» в его устах звучало так же естественно, как «милый» от акулы.

Он посмотрел на часы.

– Когда у вас перемена?

– Сейчас как раз заканчивается.

– Тогда – он задержался взглядом на моих очках, словно его забавляло, как я их поправляю, когда нервничаю. – Мы увидимся позже. Мне ещё нужно поговорить с директором.

И он ушёл.

Просто развернулся, прошёл по коридору и словно унёс за собой воздух. Девчонки из старших классов, сидевшие на подоконнике, чуть не свернули себе шеи, пытаясь разглядеть его.

Я стояла посреди коридора, как вкопанная.

Весь день прошёл странно.

Я не должна была думать о нём. Он родитель. Занятой. Жёсткий. Взрослый мужчина, который умеет давить. Я должна держать дистанцию.

Но когда я снова столкнулась с Усмановыми в коридоре, Гордей бросил короткий взгляд в мою сторону.

И задержал его. На долю секунды. Совсем чуть-чуть.

Но я почувствовала этот взгляд кожей.

Степан повернулся тоже. Помахал мне едва заметно.

Я мягко и одобряюще улыбнулась мальчику. Гордей заметил мою улыбку, и его глаза сощурились.

А затем он отвернулся и, положив руку на плечо сына, увёл его прочь.

Оставив мне только эхо шагов и ощущение, будто между нами что-то начало завязываться.

Что-то неправильное, опасное.

И странно манящее.

Глава 4. Катя

Гордей Усманов вдруг стал появляться в школе так часто, будто у него там был не один сын, а как минимум класс из тридцати человек.

Раньше он вообще не показывался. Стёпу забирала бабушка или он уходил с продлёнки сам. Теперь же в конце почти каждого дня в коридоре появлялся знакомый силуэт: кожаная куртка, уверенная походка, взгляд, от которого у мамочек других детей начинали дрожать ресницы.

И не только ресницы.

– О, ваш Усманов опять пришёл, – однажды шепнула мне коллега.

"ВАШ Усманов" – его так и прозвали остальные учителя. Как будто у Степана уроки вела только я одна.

Каждый приход Гордея выбивал меня из колеи. Лёгкое напряжение в животе, учатившееся дыхание, неприятно-сладкая дрожь в коленях. Я ненавидела эти ощущения. И жадно ловила.

Цветы появились через неделю.

Сначала просто букет на учительском столе. Я вошла в класс утром и на секунду остановилась, будто попала не туда.

Розы. Не дешёвые, не «на бегу схватил». Карточка.

«Самой красивой учительнице. Г.»

Я долго вертела картонку в пальцах, потом решительно выбросила.

На следующий день были конфеты. Через пару – ещё цветы. Никаких признаний, никаких запредельных фраз. Только это его «Г.».

Коллеги подшучивали:

– У нас тут романчик наметился, Екатерина Андреевна?

– Одинокие папочки – самый опасный вид мужчин, берегитесь.

Я улыбалась, отмахивалась, говорила, что это благодарность за успеваемость, но внутри уже чувствовала: это не просто «спасибо».

Усманов не из тех, кто делает что-то просто так.

Приглашение на ужин стало вишенкой на торте. Вполне логично после знаков внимания Усманова, но всё равно неожиданно.

Мы остались в классе вдвоём после консультации со Стёпой. Мальчик убежал в спортзал, в коридоре гудели дети, за окном ранний вечер уже примерялся к стеклу.

Гордей стоял у доски, смотрел на аккуратно выведенные мною задания. Потом перевёл взгляд на меня.

– Надо нормально поговорить, – спокойно сказал он. – О Степане. О его дисциплине, домашке, успеваемости.

Ничего особенного. Обычная фраза родителя.

– Можем обсудить прямо сейчас, – предложила я, собирая тетради в стопку. – Я свободна ещё полчаса.

– Полчаса – это смешно, – раздражённо фыркнул мужчина. – Я хочу услышать всё, что вы на самом деле про него думаете. А не зазубренные стандартные педагогические формулировки.

Он подошёл ближе. Слишком близко. Я почувствовала его запах: горячий, терпкий, дорогой и сводящий меня с ума.

– Сегодня вечером, – продолжил он. – Какой-нибудь тихий ресторан. Я вас заберу, посидим, спокойно обсудим. Без беготни. Обещаю, я буду вежливым. Ужин будет незабываемым.

Меня повело. Картинка сама нарисовалась в голове: тёмный зал, приглушённый свет, он напротив, расстёгнутый верх рубашки, его ладонь на спинке моего стула, его томный взгляд, чувственные губы в нескольких сантиметрах от моего лица

Я сглотнула.

– Спасибо, но – я заставила себя сделать шаг назад. – Я предпочитаю обсуждать вопросы учёбы в школе. На работе. Это правильно.

– Правильно? – повторил он, наклоняя голову. – Ты всегда такая правильная, Катя?

В груди кольнуло от того, как он произнёс моё имя и перешёл на ты.

– Я – учитель, – ответила я и подняла на него взгляд. – А вы – родитель. У нас есть роли.

Их стоит придерживаться.

Уголок его губ дёрнулся.

– Это проверка, насколько далеко я зайду? Я понял – цену себе набиваешь?

– Что? – возмутилась я и отчего-то покраснела. – Прекратите немедленно!

Несколько секунд мы мерились взглядами. Потом он дьявольски сексуально усмехнулся.

– Хорошо. Я найду к тебе подход, Катенька. Вопрос времени, как скоро ты будешь дрожать в моих объятиях, выстанывая моё имя.

От его слов у меня между ног всё сладко сжалось. Как будто мы прямо сейчас занимались с ним чем-то совершенно грязным, порочным и неприличным.

Звучало уже как угроза. Пока я в полнейшей растерянности хлопала ртом, придумывая, что ответить этому самоуверенному, наглому индюку, Усманов ушёл.

А я так и осталась наедине со своим возмущением.

Я сделала вид, что ничего страшного не случилось. Просто Усманов не сдержал эмоций, ведь он наверняка не привык к отказам.

Ничего, переживёт. Тем более, что у меня уже был мужчина.

Эдик появился в моей жизни очень вовремя. Как будто вселенная решила срочно выдать мне *нормального мужчину*, пока я окончательно не сошла с ума от Усманова.

Нормальный – значит: ровный, вежливый, без резких движений. С ним можно было говорить о книгах, смеяться над глупыми мемами, пить кофе после работы и ни секунды не чувствовать той опасной пропасти под ногами, которая всегда появлялась, когда на горизонте появлялся Гордей.

Мы только начали встречаться. Пока ничего серьёзного. Пара свиданий. Несколько поцелуев на прощание. Те самые сообщения «доехал/доехала», которые почему-то греют сердце.

В тот день Эдик написал:

«Катюш, забрать тебя после занятий? Мне по пути.»

Я долго смотрела на экран, вспоминая его спокойную улыбку, аккуратно приглаженные волосы и мягкие пальцы, которыми он осторожно проводил по моей щеке на последнем свидании.

«Да, – ответила я. – Буду рада.»

Когда я вышла из школьных ворот, Эдуард уже ждал меня у своей машины. Спокойный, как всегда. Руки в карманах куртки, лёгкая улыбка, будто он заранее предвкушал эту поездку до моего дома: дорога, музыка, разговоры ни о чём.

Я ускорила шаг.

И именно в этот момент с другой стороны парковки щёлкнула дверца чёрного внедорожника.

Я даже не обернулась – я **почувствовала**, как он вышел.

Гордей.

– Екатерина Андреевна, – произнёс он ровно за моей спиной. – Я полагал, что я вас подвезу, и у нас будет возможность поговорить.

Я остановилась. Эдуард нахмурился, но молчал.

– Мы договорились обсуждать Степана в школе, – напомнила я спокойно, хотя внутри всё заходило ходуном, стоило вспомнить фантазии Усманова о том, как я дрожу в его объятиях.

– У меня появились новые вопросы.

– Простите, но меня уже ждут.

Гордей медленно перевёл взгляд на Эдика. С ног до головы. Без спешки. Как оценивают вещь перед покупкой.

– Это что за хрен? – сквозь зубы процедил Усманов.

Эдуард шагнул вперёд.

– Поосторожнее с выражениями! – ответил он холодно. – Если у вас есть вопросы – задавайте. Но не в таком тоне.

Гордей усмехнулся. Криво.

– Хочешь поговорить, как мужик с мужиком?

Я почувствовала, как между ними воздух заискрил. Ещё немного, и начнётся драка.

По крайней мере, мне так показалось.

– Хватит! – повысила я голос на Гордея. – Всего хорошего. До свидания!

Эдик открыл для меня дверь, и я села в машину. На Усманова я даже взглянуть боялась, но тем не менее посмотрела. Его ревнивый взгляд впился в меня так, что я почувствовала даже через стекло, как он зол.

Мотор зарычал. Машина Эдика ушла с парковки резко, без лишних сантиментов.

– Кто это, Катя? – спросил мужчина, как только мы отъехали от школы. – Он к тебе пристаёт?

– Н-нет... – неуверенно ответила я.

– Только скажи, и я ему рыло начищу! – разошёлся Эдик.

Я посмотрела на него. На его ровный профиль, сжатую челюсть, напряжённые пальцы на руле.

«Только скажи». Так просто.

Только почему-то перед глазами вставали не его руки. Другие.

Больше. Жёстче. Опаснее.

Глава 5. Катя

Эдик вёл машину аккуратно, будто боялся лишним движением спугнуть то напряжение, которое повисло между нами после сцены с Усмановым. Я смотрела на дорогу, но видела совсем не её.

Перед глазами всё ещё стоял Гордей. Его взгляд – тяжёлый, злой, слишком уверенный.

– Ты дрожишь, – заметил Эдик, когда мы остановились у моего дома.

– Просто устала, – соврала я.

Он заглушил мотор, повернулся ко мне. В полумраке салона его лицо казалось мягче, безопаснее.

– Он тебя пугает, да? – спросил он.

Похоже, не я одна думала об Усманове. На Эдика он тоже произвёл впечатление.

Я пожалала плечами. Пугал ли? Да. Возбуждал ли? Ещё как.

Эдик потянулся ко мне первым. Осторожно, будто спрашивая разрешения. Его губы коснулись моих. Тепло, медленно, без напора. Поцелуй был правильный, приятный. Такой, каким и должен быть.

Я ответила. На секунду позволила себе раствориться в этом ощущении: в спокойствии, в отсутствии угрозы, в нормальности происходящего.

Но чем дольше длился поцелуй, тем отчётливее я понимала – думаю не о нём.

Мысли снова и снова возвращались к другому мужчине. К тому, как он смотрит. Как давит. Как не спрашивая берёт.

Эдик, видимо, почувствовал это по-своему. Его рука легла мне на талию, чуть увереннее, чем раньше. Поцелуй стал настойчивее.

Я не девственница и не ханжа. Заняться чем-то интимным в машине? Запросто, если обстановка располагает.

Обстановка была что надо. Мужчина был не тот. Или я ещё не достаточно созрела для такого.

– Катя – выдохнул он мне в губы.

Я мягко, но решительно упёрлась ладонью ему в грудь.

– Нет, – сказала спокойно. – Не сегодня.

Он замер, всматриваясь в моё лицо, будто проверял: это отказ или игра.

– Прости, – добавил он уже тише. – Я просто ты мне очень нравишься.

– Я знаю, – ответила я.

Он отстранился, провёл рукой по волосам, будто сбрасывая напряжение.

– Тогда – он заговорщически усмехнулся, – может, хоть фото свои интимные пришлешь? Чтобы не было так тоскливо сегодня.

Я почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. Мысль была дерзкой. Запретной. И неожиданно манящей.

Я представила себя обнажённую, в тёплом свете, с телефоном в руке. Представила, как выбираю ракурс. Как смотрю на себя иначе – не как на учительницу, не как на «приличную женщину», а просто как на тело, которое хочет внимания.

Желание пошалить действительно было.

– Я подумаю, – многообещающе ответила я.

Эдик кивнул и радостно заулыбался в сладостном предвкушении.

Он наклонился и поцеловал меня снова. Потом вышел, открыл мне дверь.

Я поднялась в квартиру с ощущением странной пустоты. Вечер тянулся медленно. Я переоделась, включила мягкий свет, заварила чай, но ни вкус, ни тепло не задерживались во мне. Я всё время ловила себя на том, что прислушиваюсь: к телефону, к мыслям, к тишине.

Я ждала.

Ждала, что Гордей напишет. Или появится завтра в школе. Или сделает что-то ещё – дерзкое, грубое, выбивающее почву из-под ног.

Но телефон молчал.

Ночь прошла беспокойно. Я ворочалась, сбрасывала одеяло, снова натягивала его, будто искала защиту от собственных мыслей. Мне снились коридоры школы, пустые классы и его шаги где-то совсем рядом.

Утром я пришла раньше обычного.

Прошла по коридору, заглянула в учительскую, машинально посмотрела в окно на парковку.

Его машины не было.

Прошёл первый урок. Второй. Третий.

Гордей Усманов в школе не появился.

И от этого стало тревожнее, чем если бы он был.

Я ловила себя на том, что жду его взгляда. Его присутствия. Как будто отсутствие оказалось ещё одной формой власти.

На перемене я подошла к окну снова. Пусто.

Он явно что-то задумал, и теперь я ждала этого "что-то".

Вечером меня накрыло тоскливым, липким раздражением. Оно не лечилось ни душем, ни сериалом, ни даже вином.

Я приготовила ужин – привычно, механически. Овощи на сковороде шипели, как мои мысли. В бокале темнело вино, пахло кисло-сладко, как моё одиночество. На кухне было тепло, а внутри пусто.

Я злилась на себя.

Злилась, что весь день ждала Гордея. Что слушала каждый звук в коридоре, будто он вот-вот появится. Злилась, что Эдик – хороший, нормальный, спокойный, а в голове всё равно был Усманов.

Я сделала глоток и поморщилась. Не от вина, а от власти, которую Усманов уже имел надо мной.

Телефон лежал на столе. Молчал. Эдик тоже не писал. Наверное, обиделся. Наверное, решил: «с ней надо аккуратнее». А я я не знала, чего хочу.

Вино сделало мои мысли смелее.

Я вспомнила его просьбу. Неловкую, бесстыдную, порочную, от которой в груди вспыхнула злость и странная искра.

Мне захотелось доказать себе, что я ещё живая женщина, а не только учительница с приветливой улыбкой и вечной «этикой».

Я встала, прошла в спальню. Открыла шкаф, достала прозрачный халат, накинула на плечи. Включила лампу так, чтобы свет был мягким, не жалящим.

Телефон лёг в ладонь тяжело, но уверенно.

Сев на кровать, я раздвинула ноги и сделала несколько снимков своей киски.

Боже, какая некрасивая у меня вагина! Совершенно несексуальная. Может, ракурс неудачный? Или свет падает не так? Перефотографировать, что ли?

Я даже не успела решить, удалять эти фото или нет.

В дверь позвонили.

Резко. Нетерпеливо.

Я вздрогнула так, что телефон едва не выскользнул из пальцев. Сердце ударило в горло. Вино мгновенно выветрилось, как будто кто-то распахнул окно в мороз.

Звонок повторился.

Я запахла халат плотнее, подошла к входной, посмотрела в глазок.

И у меня внутри всё оборвалось.

Гордей.

Он стоял прямо за дверью с таким лицом, будто пришёл к себе домой, а я прислуга, которая не торопится открывать. В руках гигантский букет, нелепо огромный, вызывающий.

– Катя, открой! – раздался его властный голос. – Я знаю, что ты дома!

Что же делать? Что?

Звонок повторился. Потом Усманов начал долбить в дверь кулаком.

Он мне всех соседей сейчас на уши поднимет.

Трясущимися руками я открыла дверь. Совсем чуть-чуть, на цепочке, чтобы только высунуть нос из квартиры.

– Что вы здесь делаете, Гордей Александрович? Как вы узнали, где я живу?

– Это было несложно. Можно войти? – голос ровный, спокойный. Слишком спокойный.

– Эм... Нет. Я уже сплю, – выдохнула я.

– В половине девятого вечера? Не смей меня. Так можно войти?

– Нет, — сказала я чётко. И почувствовала, как дрожат пальцы на цепочке. – Нельзя.

Его взгляд на секунду скользнул по моему лицу, по халату, по распущенным волосам, и мне стало не по себе.

– Ты чё там не одна? – вдруг предположил он.

– Не ваше дело. Спокойной ночи, Гордей Алек...

– И всё-таки я войду! – казал он так, как будто говорил о погоде.

И в следующую секунду это случилось.

Цепочка дёрнулась, хрустнула креплением или я сама её не до конца вставила, или мужчина приложил слишком много силы. Дверь распахнулась, и Гордей шагнул внутрь вместе со своими цветами, своей ревностью, властью, уверенностью, своим «мне всё можно».

Глава 6. Гордей

– Вы сломали мне дверь! – возмущённо пропищала девушка, когда я уже был в прихожей. А она мне всю жизнь сломала, перевернула её с ног на голову. Я не спал и не ел, с тех пор как её увидел в той учительской.

Всю голову сломал, как зацепить внимание Екатерины, мать её, Андреевны.

Цветы дарил, конфеты, подвезти предлагал, ужин. А она упёрлась, и ни в какую.

Я понимал, что веду себя, как наглый хам, но она меня уже до крайней точки отчаяния довела. Когда я увидел, что она уезжает с каким-то малахольным хмырём на дырявой "Тойоте", я понял, что действовать нужно уже жёстче и без проволочек.

Пока он не увёл у меня из-под носа эту рыжую прелесть.

Квартира встретила уютным запахом старого жилья. Не бедно, просто давно без мужской руки. Обои на стыках чуть разошлись, розетка у входа перекошена, паркет потёртый, но чистый. Слишком чистый. Так убирают, когда живут в одиночестве.

И сразу бросилось в глаза ещё одно: мужчины здесь нет.

Ни куртки на вешалке, ни обуви у двери, ни следов чужого присутствия.

Значит, я ещё не опоздал. Тот хилак её просто подвёз.

Я почувствовал, как внутри отпускает совсем немного. Ненадолго.

Она стояла напротив бледная, в полупрозрачном халате, который больше дразнил, чем прятал. Свет падал так, что ткань будто растворялась. Я видел достаточно, чтобы мысли сбились в кучу.

Чёрт.

– Я ненадолго, – Успокоил я Катю. – Это тебе, – протянул ей цветы, но она застыла, как истукан, поэтому я положил букет на пуфик у двери, чтобы освободить руки. – Давай просто поговорим?

– О чём? Я уже вам всё сказала.

– Я предлагаю нормальное решение, – сказал я, проигнорировав её слова. – Репетиторство у нас дома. График – как тебе удобно. Оплата – достойная.

Она, наконец, подняла глаза.

– Я уже сказала «нет».

– Ты сказала «нет», но не объяснила почему, – я сделал шаг к ней, и она машинально отступила к стене. – Это странно. Я столько дней показываю, что настроен серьёзно.

– Серьёзно – это уважать чужие границы, – отрезала она.

Я усмехнулся.

– Серьёзно – это когда мужчина не отступает, если уверен, что прав. Ты хорошая учительница. Стёпе это нужно. Тебе – тоже. Я очень щедрый работодатель.

– У меня нормальная зарплата, – сказала она. – Уходите! И цветочки свои заберите. У меня уже есть мужчина.

Я огляделся ещё раз. Слова о другом мужике заставили меня рассвирепеть.

– И ради чего ты ломаешься? – спросил я уже со злостью. – Ради принципа? Ради того нищеврода, который тебя подвозит?

Её плечи дёрнулись.

– Это не ваше дело.

– Я не понимаю, что не так, Катя, – в голосе впервые прорезалось раздражение. – Я забочусь. Я стараюсь, ухаживаю. Скажи прямо, что не так?

Я сделал ещё шаг и упёрся ладонью в стену рядом с её плечом. Не касаясь.

Пока.

Нежный запах её духов окутал меня. Тёмные соски под тонкой тканью халата напряглись, и теперь зазывно торчали, напрашиваясь на ласку. От мысли, что под халатом Кати нет ничего, кроме горячего, аппетитного тела, хотелось взвыть.

Я почувствовал дикую эрекцию, и кровь отлила от мозга прямо в ширинку.

У меня ещё ни от одной женщины так башню не рвало. Мне ничего не стоило сейчас задрать этот милый халат, закинуть стройные, длинные девичьи ноги себе на талию и засадить этой цыпочке по самые яйца прямо в прихожей.

Но был нюанс – это "НЕТ" Кати. Сучка ни в какую не шла на контакт.

– Ты знаешь, что сводит меня с ума? – сказал я тихо. – Не то, как ты выглядишь в этой соблазнительной тряпке, а то, как ты сопротивляешься, хотя хочешь меня.

– Это неправда, – выдохнула она.

Я посмотрел на неё сверху вниз. На дрожащие пальцы, которыми она пыталась запахнуть плотнее халат. На горло, когда она сглотнула. На тяжело вздымающуюся округлую грудь.

– Тогда скажи мне в глаза, – медленно произнёс я. – Скажи, что ты ничего не чувствуешь.

Она открыла рот, но ничего не сказала, лишь провела язычком по пухлым губкам.

Этого хватило.

Меня накрыло злостью и чем-то тёмным, горячим, требовательным. Я сократил расстояние и потянулся губами к её манящему рту. Провёл кончиками пальцев по её предплечью и почувствовал, как она задрожала.

Катя резко упёрлась ладонями мне в грудь.

– Нет! – голос сорвался. – Не смейте! Я буду кричать! Полицию вызову!

Я остановился в миллиметре от её губ. Почувствовал её дыхание. Тепло. Запах вина.

Чёрт возьми!

Я выпрямился, с трудом отрывая от неё взгляд. Сжал челюсть так, что зубы хрустнули. Отступил на шаг.

С каким же он дался мне трудом!

Она выдохнула резко, будто только что удерживала воздух, и в этом выдохе было облегчение и разочарование? Нет, показалось.

Нужно было уходить, пока я не сорвался и не наделал глупостей.

– Я пришлю в Воцапе дополнительные задания для Степана, – дрожащим голосом произнесла Катя. – Это всё, что я могу для вас сделать. А теперь – убирайтесь! Пока я действительно не вызвала полицейских!

Я развернулся к двери, но остановился.

– Хорошо. Я уйду. Но учти, Катя, – сказал, не оборачиваясь, чувствуя, как желание пульсирует в каждом ударе сердца, как нестерпимо ноет в паху. – Я не из тех, кто сдаётся. Ты лишь выиграла отсрочку. Дам тебе время, чтобы свыкнуться с мыслью, что ты всё равно станешь моей. Чем дольше тянешь, тем менее нежно я буду тебя трахать. Советую учесть это на будущее. Хотя, если ты любишь пожестче, я не возражаю.

Я вышел и закрыл за собой дверь, не дав себе шанса оглянуться.

На площадке я задержался на секунду, прислонившись лбом к холодному металлу двери лифта. Всё тело было напряжено, каждая мышца помнила её близость, тепло её кожи, отпечаток её груди под тонкой тканью, округлость бёдер.

Я сжал кулаки, пытаясь взять под контроль дикое, животное возбуждение, которое накапало раскалённой волной и не спешило отпускать. Это было сильнее, чем просто желание. Это была навязчивая, почти болезненная потребность.

Она осталась там. Одна. Испуганная. Злая. И, чёрт возьми, возбуждённая. Я это видел, чувствовал по запаху, как звери чуют своих самок.

И это осознание сводило с ума.

Я уехал, но не домой. Просто гонял машину по ночному городу, пока адреналин и злость не переплавились внутри в холодную, стальную решимость.

Она сама всё усложнила. Своим видом. Своим очередным отказом. Своим молчаливым признанием, которое читалось в каждом вздохе.

Я был готов драться за Катю с тем мужиком на "Тойоте", драться со всем миром за право почувствовать влажность и тесноту её киски, но не с ней самой. Я же не насильник какой-то?

Впервые мне попалась такая упёртая дамочка, которая даже на свидание со мной не желает сходить.

Телефон лежал на пассажирском сиденье. Я поглядывал на экран чаще, чем требовалось. Ждал. Не извинений, а какого-нибудь сигнала, любого знака от вселенной, что эта сцена не была финалом, а лишь прелюдией к нашему страстному, горячему, красивому роману.

И вот телефон моргнул.

Спам или задания для Стёпы?

Я припарковался в тёмном переулке недалеко от своего дома, заглушил двигатель и взял телефон.

Сообщение от Кати. Без текста, только вложения.

Я открыл, и время остановилось.

Всё внутри замерло, а потом резко, мощно качнулось вниз, к низу живота.

Сначала просто непонимание. Мозг отказывался складывать пиксели в осмысленную картинку. Просто пятно света и тени. Потом резкий, как удар током, щелчок. Узнавание.

Это была вагина. Её. Не намёк, не полутона, не эротичный изгиб шеи.

А откровенная, шокирующая в своей прямоте интимность. Крупным планом. В нежном, чуть размытом фокусе, будто снято дрожащей рукой. Свет падал так, что подчёркивал каждую нежную складку, каждое свидетельство её возбуждения: влажный, бархатный блеск, который не спутать ни с чем.

Воздух вырвался из его лёгких коротким, резким выдохом, будто меня ударили под дых. Я отшатнулся, спина ударилась о сиденье.

Вот это да! Вот это я понимаю!

Скромница Екатерина Андреевна меня просто убила на хрен. Не оружием, а фотографиями.

Разум отключился. Остались только базовые инстинкты: вижу, хочу, обладаю. У меня аж слюни потекли от такого зрелища. Ширинка уже трещала по швам, а я всё рассматривал мельчайшие детали: тень от бедра, крошечную родинку, идеальную, аккуратную форму губок, упругую горошинку клитора.

Я повидал немало вагин, но эта... Она была совершенством. До чего же красиво!

По телу пробежала волна абсолютной, тотальной власти. Триумфа, настолько сладкого, что во рту появился его привкус. Она не просто поддалась. Она капитулировала. Безоговорочно.

Это был акт безумия. Или высшего доверия. Или полнейшего поражения.

Я сглотнул. Рука, сжимавшая телефон, дрогнула. Я провёл пальцами по экрану, инстинктивно пытаюсь «коснуться», увеличить изображение. Захотелось вдохнуть её запах сквозь стекло, почувствовать ту самую влажную теплоту. Бешеный пульс стучал в висках, в паху, везде.

Мне захотелось немедленно вернуться. Сломать эту хрупкую преграду из страха и принципов Кати. Швырнуть её на кровать и вбиваться в эту розовую щель своим каменным членом, пока она не попросит пощады.

И вдруг сообщения исчезли. Катя их удалила.

Что за...?

Следом пришло другое сообщение, и я с нетерпением его открыл, предвкушая новую порцию вкуснятины. Но ничего такого там не было. Только задания по литературе для моего сына.

Ещё минут десять я сидел и пялился в экран. Это что вообще было?

Я почувствовал, что меня жестоко обманули. Показали конфетку, развернули, но даже не дали лизнуть.

От злости я едва не зашвырнул телефон в лобовое стекло.

Дразнится? Вот сучка рыжая!

План по её покорению родился за секунду. Как же всё стало просто.

Ничего, я тебе устрою! Покажу, как играть с огнём под именем Гордей Усманов!

Она разожгла такой пожар, что теперь ей придётся гореть в нём вместе со мной.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.